

Раны Широ́на заживали быстро. Вправленные кости стремительно срастались, а участки, где прежде прорвавшие кожу кости вылезли наружу, по большей части затянулись. В общем, парень явно шёл на поправку.

Кажется, его способность к регенерации стала ещё сильнее. Сильнее настолько, что даже после подобных травм, он в уже был в состоянии передвигаться самостоятельно.

Всё это стало возможным благодаря слившимся с каждой клеточкой его тела призракам Бастиона Душ, что упорно притягивались друг к другу и вновь скрепляли между собой разорванные мышцы, сухожилия и даже переломанные кости. Причём, даже сам Широ́н теперь начал думать – а не обязан ли он своей феноменальной способностью к самоисцелению Бастиону Душ?

...В этот час он вышел на прогулку. Сад Аль Маджали не поражал особенной роскошью, зато был широким и тенистым.

Облачённый в длинную белую тунику Широ́н медленно ковылял по дорожке, но от него исходило чувство уверенности и силы. И это было не столько потому, что сквозь белую тунику проступали крепкие мышцы закалённого боевыми искусствами человека, сколько от исходившей от него ауры величия.

Когда он прятал эту ауру, чтобы соответствовать своему положению раба, то исходящая от него ментальная энергия снижалась практически до неощутимого уровня, когда же нарочно выставлял её напоказ, то мог поразить наблюдателя сильнее, чем ревущий в прериях лев.

В этот миг Широ́н увеличил поток ментальной энергии до предела, благодаря чему стал казаться невероятно мужественным.

Однако даже когда на нём была надета личина Рахмана, полностью избавиться от своей ауры мужественности он не мог.

«Тебе не тяжело?» – прозвучал позади голос Тии, обеспокоенно наблюдавшей за его передвижениями.

Широ́н долго её уверял, что чувствует себя прекрасно, поэтому она позволила ему пройтись на свежем воздухе, но всё-таки Тия ещё не была до конца уверена в его самочувствии. Ведь с тех пор, как он вернулся израненный до такой степени, что на него было больно смотреть, не прошло и десяти дней!

Широ́н обернулся, увидел её встревоженное лицо, и его губы тронула лёгкая улыбка. И в этот миг словно нарочно налетел ветерок, растрепал его волосы и натянул ткань туники. Его улыбка казалась нежной и искренней, словно лучик яркого солнца.

Ту-дум!

От улыбки Широ́на кольнуло в груди, Тия смутилась и поспешно отвернула голову, чтобы он не увидел, как краснеет её лицо.

«Я же не маленькая девочка, что со мной не так?» – обратив взор к далёкой горе, укорила себя Тия.

И в следующий миг она вздрогнула и замерла – сзади её обняли сильные руки Широ́на.

Тия была высокой женщиной, однако в его объятьях растворилась почти целиком. Когда Широн молча обнял её, сердце пустилось вскачь, и Тия прикрыла глаза.

В саду был слышен лишь шум ветра...

И тут она припомнила момент из детства – когда отец отправился к горам, находившимся на приличном расстоянии от Джорана, а она последовала за ним.

Сказав, что хочет испытать её на храбрость, Аль Джаис оставил девочку в одиночестве и ушёл. Тия осталась совсем одна в окружении отвесных скал. И, как назло, в этот день хлынул сильнейший ливень.

Понимая, что если температура тела понизится, то ей придётся совсем худо, девочка внимательно осмотрела окрестности и обнаружила трещину в пне некогда огромного дерева. Чтобы укрыться от дождя, она втиснулась в расщелину, размер которой, как оказалось, идеально соответствовал размеру её тела. И в тот миг Тия почувствовала себя так, словно находится в уютном жилище.

Сжавшись в клубок, она смотрела на ливень, подобного которому почти невозможно увидеть в Джоране, и подумала, что теперь-то точно знает, что такое уют.

Когда чувство, которое пришлось пережить в тот день, воскресло в её памяти, глаза увлажнились от слёз.

«Прекрати...»

«Тум!» – На некоторое время Тию поглотило то самое чувство уюта, её глаза заполнили слезы, и, не отдавая себе отчёт, она двинула Широ́на локтем в бок.

Было ли это из-за того, что она не привыкла демонстрировать свои слабости?

Она, которую называли цветком пустынного кактуса, никогда не плакала перед мужчинами! И сейчас ей было ужасно неловко.

Однако рана в боку Широ́на затянулась лишь недавно, поэтому выдержать неожиданный удар локтем он не смог.

Громко охнув, парень схватился за больное место и покачнулся, едва не свалившись на дорожку.

«Боже! Прости, прости...»

На этот раз Тия вздрогнула уже от испуга и поспешила помочь Широ́ну восстановить равновесие. Бледная как мел, она чертыхнулась про себя за то, что посмела забыть о его нынешнем состоянии.

Однако когда скрючившийся было Широ́н, улыбаясь, поднял голову, она вдруг поняла, что её разыграли.

«Ха-ха, испугалась?»

«Ах, ты!..» – Тия собралась было разозлиться, но тут внезапно осознала необычность ситуации, и уголки её губ сами собой поползли вверх.

До настоящего момента Широн никогда так себя не вёл. Подобные непринуждённо-шутливые отношения между рабом и его хозяином были просто немыслимы!

До сих пор Широн неуклонно придерживался отношений раб-хозяин. Так что же всё это значит? Неужели он решился открыть ей своё сердце?

Тия протянула руку и коснулась ладонью его щеки. Казалось, будто её глаза проникают сквозь личину Рахмана.

«Как долго...»

«Что?»

«Как же долго я ждала, что ты будешь общаться со мной вот так!..»

Заглянув Тие в глаза, Широн улыбнулся: «Вот, значит, как?..»

Обняв Тию за талию, он поднял голову и уставился в синее небо. И ему показалось, будто плывущее над головой пушистое облако обрело форму сердца.

В будущем Широн должен будет руководить восстановлением культа Кроноса. Это будет гораздо труднее, чем брести босиком по тернистой тропе. Поэтому изначально Широн никому не собирался открывать своё сердце.

Первым человеком, для кого Широн решил сделать исключение, стал учитель Йехинатал.

Йехинатал был очень стар и не так уж сильно дорожил собственной жизнью. Однако, как истинный некромант, он тянулся к новым знаниям сильнее, чем кто-либо другой.

Зная это, Широн надеялся, что вместе с Йехинаталом они сумеют пройти этот тернистый путь. Теперь же он решил доверить своё сердце Тие. Он всё ещё переживал – а сможет ли женщина, пусть даже столь сильная, как она, выдержать отведённые им перипетии судьбы?

Однако когда он открылся другому человеку, на душе стало легче. Он чувствовал себя так же легко и безмятежно, как те облака над головой.

«Так вот что значит отыскать человека, с которым можно разделить лежащий на сердце груз!» – подумал Широн, затем улыбнулся и закрыл обращённые к небу глаза.

«Кхем-кхем!» – послышалось покашливание за спиной, разрушив атмосферу идиллии.

Взгляд Тии стал сердитым. Широн с неохотой расцепил обнимавшие Тию руки и смущённо потёр лоб.

«Как давно вы здесь?»

Взглянув на Широно, Аль Маджали усмехнулся и ответил шутливым тоном: «Совсем недавно. Я подошёл в тот момент, когда вы заключили друг друга в объятия. Хо-хо, а вы отлично смотрите!»

Широн старался не подавать виду, что их прервали не в самый подходящий момент, однако Тия была более прямолинейна. Надув губы, она язвительно произнесла: «Вы, деверь, пришли чуть раньше, чем следовало. Приди вы позднее, стали бы свидетелем куда более интересной картины... Извиняться будете?»

«Хо-хо, да, вы правы! Я и впрямь выбрал не самый удачный момент. Мне очень жаль, невестка. Я нарушил ваше уединение...»

«Конечно, вам жаль. Вы хоть знаете, в каком ужасном состоянии он недавно вернулся?..» – продолжала наседать на деверя Тия, не любившая ходить вокруг да около.

Она отлично понимала – в том, что Шиرون вернулся израненным, не было вины Аль Маджали, ведь тот, в конце концов, сам вызвался на это дело. Однако в тот момент, когда она увидела ухмыляющееся лицо деверя, Тие стало так обидно, что её понесло, и она уже не могла контролировать эмоции. Присутствие же Широно делало слова ещё более колкими.

Интересно, когда в последний раз Аль Маджали, постоянно заседавший в руководстве Ноабской империи, оказывался в столь затруднительной ситуации? Увидев его растерянное лицо, Шиرون счёл нужным прийти на выручку.

«Жена, мне нужно поговорить с братом, оставь нас на минутку, пожалуйста», – Шиرون вновь вернулся к повадкам и манере речи Рахмана.

Огорчённая его словами, Тия хотела добавить что-то ещё, но... взглянув в его серьёзные глаза, молча кивнула и отошла в сторону.

«И впрямь сильна!» – присвистнул Аль Маджали. – «Конечно, отец рассказывал, что невестка – сильная женщина, но всё же... Недаром в Джоране её прозвали цветком пустынного кактуса! Кстати, ты тоже удивил. Такую женщину обуздал – остановилась по первому твоему слову! Хо-хо-хо!» – и Аль Маджали похлопал Широно по плечу.

Шиرون вновь смущённо почесал лоб и возобновил прогулку по саду. С тех пор, как он вернулся в резиденцию, прошло уже десять дней, однако поговорить с Аль Маджали с глазу на глаз он смог лишь сейчас. Всё это время старший брат Рахмана был в императорском дворце, где снова шли прения по поводу следующего императора.

«Говорят, во дворце дела опять зашли в тупик?»

«В тупик? Не то слово. Жаль, что тебе не удалось вызволить наследного принца. Однако я слегка удивлён – вопреки всем прогнозам, архиепископ по-прежнему старается затянуть выборы престолонаследника. Интересно, что же там у тебя произошло?»

«Но разве не сам архиепископ делал всё возможное, чтобы следующим правителем избрали принцессу Исирис? Почему же теперь он затягивает обсуждение?»

«Хм... Ты и впрямь не понимаешь? Он изо всех сил пытается сохранять спокойствие, однако всё равно выглядит обескураженным. Есть догадки, почему?»

«Вот как? Возможно, те слова Хейо...»

«Хейо?»

Чувствуя на себе заинтересованный взгляд Аль Маджали, Шиرون вкратце пересказал произошедшие в Чёрном аббатстве события. Сцены сражений он упростил, но основные события постарался передать как есть, не приукрашивая.

«Ты уверен, что этот... Хейо произнёс именно такие слова? Что готов обменять наследного принца на твоего тестя, Аль Джаиса? И что просит сообщить об этом архиепископу?» –

сверкнув глазами, спросил заинтригованный его рассказом Аль Маджали.

До настоящего момента архиепископ казался практически неуязвимым, однако теперь, кажется, появилась возможность для контрудара.

«Рахман, я собираюсь назначить тебя на должность.»

Широн вытаращил глаза: «Должность? Но я не считаю, что достаточно хорош для такого!»

«Это будет временное назначение. Я подыщу подходящее тебе место.»

«Я признаю, конечно, брат, что у вас достаточно полномочий, чтобы принимать подобные решения, однако, если вы внезапно назначите меня во дворец, не вызовет ли это подозрения архиепископа?»

«Если он и дальше планирует использовать тебя, то будет этому только рад.»

«Но ведь я так долго проживал в Джоране, что успел основательно позабыть этикет и нормы приличия, принятые в императорской семье! Поэтому я боюсь, что не смогу быть достаточно компетентен, находясь при дворе...»

Аль Маджали пристально посмотрел на младшего брата и вдруг хмыкнул.

«А ты и впрямь изменился! В прошлом ты был до жути самолюбив, и, скорее всего, сам начал бы упрашивать меня предоставить тебе какую-нибудь непыльную должность!»

В этот миг у Широно ёкнуло сердце. Он так старательно имитировал Рахмана, и от осознания того, что «выстраданная тяжким трудом башня едва не рухнула»[1], весь покрылся мурашками.

Но похоже, покуда подозрений он не вызвал.

«Хо-хо-хо! А чего это ты так напрягся? Мне эти перемены по душе. Наконец-то ты, неоперившийся птенец, стал достоин называться младшим братом Аль Маджали!»

У Широно отлегло от сердца, а «старший брат» продолжил: «Не переживай, ты не будешь заниматься тоскливым переключиванием бумаг. Место, которое я присматриваю для тебя, относится к военной сфере. При этом тебе не придётся отправляться в горячие точки, поскольку должность будет местная, относящаяся к обороне Меккана.»

По последним словам стало понятно, что с должностью Аль Маджали уже определился, и потому Широн кивнул с самым серьёзным выражением лица. В текущей ситуации следовало показать «брату», что он признаёт его старшинство.

«И что же мне нужно сделать после вступления в должность?»

Поняв, что «Рахман» принимает его предложение, на лице Аль Маджали вновь появилась улыбка.

«Значит ты берёшься?»

«Да.»

«Прекрасно. Я уже приглядел для тебя несколько подходящих позиций. Наиболее

перспективной из них выглядит должность адъютанта в подразделении, патрулирующем внешние стены императорского дворца. У солдат данного подразделения в это время года работы мало, так что у тебя – младшего офицера, ассистирующего командиру – будет полно свободного времени. За это время тебе нужно как следует присмотреться к ситуации во дворце. Узнать его планировку, систему условных сигналов, места, где архиепископ останавливается чаще всего... Полного плана внутренней части дворца нет даже у меня. Об этом в принципе тяжело разузнать, если не относишься к гарнизону, охраняющему внутреннюю часть императорской резиденции. И ещё одно дело, которым тебе следует заняться...» – тут Аль Маджали подошёл к Широну вплотную и понизил голос. – «Вычисли безоговорочно преданных наследному принцу солдат. В критической ситуации они могут стать крайне полезны.»

«Понял. Если получится связаться с дружиной наследного принца, я так и поступлю.»

«Если не будешь достаточно осторожен, весь твой труд пойдёт прахом. Дружина наследного принца к этому моменту уже перешла под командование архиепископа. Более того, в императорской семье у него повсюду соглядатаи. Сочувствующих наследнику солдат в дружине принца дотошно выявляют. Вот почему, прежде чем идти с ними на контакт, повстречайся вот с этим человеком», – с этими словами Аль Маджали вручил Широну небольшую тубу.

Когда Широн машинально открыл крышку, то увидел внутри скрученный в рулон отрез ткани.

«Не стоит изучать его сейчас – прочтёшь, когда окажешься во дворце. Отыщи указанного здесь человека, покажи ему эту ткань, и он подскажет, как тебе быть дальше.»

По словам Аль Маджали было ясно, что он давно уже всё продумал. Почтительно склонив голову, Широн пообещал про себя никогда не расслабляться в присутствии этого человека.

Хоть в данный момент Аль Маджали защищает его всеми силами, но стоит ему узнать, что настоящий Рахман убит, а он носит снятую с его лица кожу, как этот страшный вельможа тут же обернётся врагом.

Следовательно, нужно стать ещё более осторожным и сделать всё, чтобы этого не случилось.

«Не нужно приступать прямо сейчас. Сперва твоё тело должно как следует восстановиться. Хотя, признаться, выглядишь ты куда лучше, чем я ожидал. Мне рассказывали, что вернулся ты в весьма плачевном состоянии...»

«Я думаю, всё дело в том, что у меня было множество поверхностных ранений. Мне здорово повезло, что серьёзных внутренних повреждений я на этот раз не получил», – слукавил Широн и тут же, сделав озабоченное лицо, перевёл тему. – «Кстати, брат, я хотел поговорить по поводу священника, с которым вы недавно меня познакомили. О человеке по имени Геб... Я покидал Чёрное аббатство в огромной спешке, потому мне пришлось его оставить... Это очень плохо?»

«Хм-м... Насчёт безопасности этого человека у меня тоже нет никакой уверенности. Его наверняка арестуют и будут пытаться...»

«Это ужасно! А что, если он назовёт ваше имя, брат? В данный момент архиепископ не считает вас врагом, но когда он начнёт к вам приглядываться, не добавит ли это лишней головной боли?»

«Несомненно. Поэтому мне только и остаётся, что довериться отцу Гебу... Он человек сильной воли и несокрушимой веры. Подобный не станет трепать языком даже перед лицом гибели.

Жаль, что при текущем раскладе я не могу мобилизовать войска, чтобы его спасти.»

Широн, который собирался намекнуть, что Геба необходимо по-тихому устранить, поскольку тот способен выдать их с головой, реакцией Аль Маджали был поражён до глубины души.

Его с самого рождения воспитывали в духе суровых догматов церкви Кроноса, а когда Широн подрос, то ему пришлось долгое время влачить беспросветную жизнь раба. Конечно, учитель Йехинатал страшно любил своего единственного ученика, но и тот был безжалостным некромантом, который смотрел на других живых существ лишь как на материал для собственных экспериментов.

Сумев дожить до этого дня только благодаря своему своеобразному взгляду на мир, Широн не мог не поразиться великодушию Аль Маджали, пожалевшего отца Геба.

Геб ведь не был непосредственным подчинённым Аль Маджали, поэтому и щадить священника у него не было никаких причин. И всё же, даже понимая, что тем самым подвергает себя опасности, он продолжал с трепетом относиться к его жизни. В день, когда ушей архиепископа достигнет имя Аль Маджали, положение может стать безнадёжным, но он подумал лишь о спасательном отряде.

Широн не мог понять подобную позицию, однако в его груди в этот момент что-то шевельнулось. Впрочем, это вовсе не значило, что он примет решение в дальнейшем равняться на благородного Аль Маджали.

Аль Маджали – это Аль Маджали, а Широн – это Широн.

У Аль Маджали свои взгляды на жизнь, а у Широ́на – свои.

Широн не сознавал, что когда он пришёл к данной мысли, его глаза вдруг стали холодными как лёд...

Примечание

[1] Здесь обыгрывается корейская пословица, дословный перевод которой «выстроенные тяжким трудом башни не падают». Образно – «От труда не бывает вреда».

<http://tl.rulate.ru/book/104928/3680084>